

“СТАРΟΣВЕТСКИЙ ХРОНОТОП” В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА “НОВЬ”

© 2007 Л.Н. Лакомкина

Воронежский государственный педагогический университет

19 февраля 1866 года И. С. Тургенев в письме к Валентине Делессер напишет: «Советую вам весьма настойчиво — прочитать повесть, о которой вам говорила графиня Адлерберг — и добавлю, что в своем роде это шедевр. К сожалению — это не мое сочинение; оно принадлежит Гоголю и находится в томе его повестей, выпущенном издательством “Ашетт”. Называется повесть “Старосветские помещики”. Как я уже сказал, не могу не пожалеть, что ее автор не я; сожалеем об этом ...» [3, 229]. А спустя десятилетие Тургенев закончит работу над романом “Ночь” и в его композиционном центре разместит главы, парадоксально выпадающие и из сюжетного ритма самого произведения, и из ритма отражаемой в нем эпохи.

В романе о нови неожиданно обнаруживается гоголевский “старосветский” хронотоп. Речь идет о тех страницах, которые посвящены описанию четы Субочевых — Фимушки и Фомушки — своеобразных двойников Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Как и гоголевская чета, Фимушка и Фомушка — “неслиянны и нераздельны”: “Они вступили в брак очень рано — и очень давно тому назад поселились в дедовском деревянном доме на краю города, никогда оттуда не выезжали и никогда не изменили ни своего образа жизни, ни своих привычек” [4, 441]. “Голоса у них одинаковые: закрой глаза, так и не знаешь, кто говорит. Только у Фомушки речь как будто почувствительней” [4, 439]. Различать же их можно было отнюдь не по половому признаку, а исключительно по банту на чепце: “Одежды оба одинаково, в какие-то полосатые капоты <...> Похожи друг на друга ужасно, только вот что у одной на голове чепец, а у другого колпак — и с такими же рюшами, как на чепце; только без банта. Не будь этого банта — так и не узнаешь: кто — кто; к тому ж и муж-то безбородый. И зовут их: одного — Фомушка, а другую — Фимушка” [4, 439]. Как и гоголевские старички, Субочевы подобны птицам небесным, свившим уютное гнездышко:

“И были в нем всевозможные сенцы, и горенки, и светлицы, и хороменки, и рундучки с перильцами, и голубцы на точеных столбиках, и всякие задние переходцы и каморки. Спереди находился палисадник — а сзади сад; а в саду — что клетушек, пунек, амбарчиков, погребков, ледничков... — как есть гнездо” [4, 442].

Как и у Гоголя, главное отличительное свойство жизненного мира Фимушки и Фомушки — его обособленность от остального мира. Поэтому их дом — и чудом сохранившийся “оазис” милости и доброты (“...Доброта их все побеждала; и над чудаками Субочевыми хоть и смеялись, хоть и считали их юродивыми и блаженными, а все-таки в сущности уважали их” [4, 443]), и — своеобразная крепость, защищающая их внутреннюю жизнь от внешнего посягательства. “Самый дом отличался от всех других домов в городе: он был весь построен из дуба и окна имел в виде равносторонних четырехугольников; двойные рамы никогда не вынимались” [4, 441]. И в самом деле, за порог этой “крепости” не проникали не только посторонние люди, но и — никакое новшество. «Время, казалось, остановилось для них; никакое “новшество” не проникало за границу их “оазиса”» [4, 441].

В “Старосветских помещиках”, как писал Ю. М. Лотман, “невозможность совершения событий, невозможность изменения <...> приобретает особый смысл. Неизменность — свойство Дома, внутреннего пространства, и изменение возможно лишь как катастрофа разрушения этого пространства” [2, 429]. Неизменность — главное свойство и “старосветского” дома в “Нови”. “Вообще же они (Фимушка и Фомушка. — Л. Л.) удерживались от порицаний нового времени и от восхвалений старого: иначе они отроду не жили, но что другие люди могли жить другим манером — и даже лучше, — это они допускали; лишь бы их не заставляли меняться” [4, 445].

Издавна заведенный распорядок повторяется, как и положено в идиллии [1, 374], изо дня в

день. Завтрак, обед и ужин сменяются незатейливыми развлечениями и отходом ко сну. Примечательно, что даже лошадь у Субочевых звали Недвигой, под стать лошади был и кучер: *“Он до того был медлителен во всех своих движениях, что употреблял целых пять минут на понюшку табаку, две минуты на то, чтобы заткнуть кнут за пояс, и два часа с лишком на то, чтобы заложить одну Недвигу”* [4, 442].

Но вот на что следует обратить особое внимание: для старосветских Фимушки и Фомушки, как и для других обитателей дома, в старом свете представляется и все то, что находится за его порогом. *“... Староста в указанный срок являлся с оброчными деньгами и парой рябчиков, будто бы застреленных в господских лесных, в действительности давно исчезнувших, дачах...”* [4, 441]. Старый слуга Каллиопыч уверен, что крепостное право никто не отменял и считает себя поистине счастливым человеком, находясь в услужении у Субочевых. *“...А на вопрос: не слышал ли он, что для всех крепостных вышла воля, — всякий раз отвечал, что мало ли кто какие мелет враки, это, мол, у турков бывает воля, а его, слава богу, она миновала”* [4, 441].

Любопытная в этой связи деталь: Фомушка, глядя на дорожную ему табакерку, продолжает видеть то, что, стерло на ней время: *«Фомушка достал и показал гостям свою любимую деревянную резную табакерку, на которой когда-то можно было счесть тридцать шесть человеческих фигур в разных положениях: все они давно стерлись, но Фомушка их видел, видел до сих пор, и перечесть их мог и указывал на них. “Смотрите, — говорил он, — вон один из окошка глядит, смотрите: он голову высунул...”*. *А то место, на которое указывал его пухленький палец с приподнятым ноготком, так же было гладко, как и вся остальная крыша табакерки»* [4, 447]. И дело

здесь не в старческом упадке. А в том, что для Тургенева (писателя, одновременно и преклоняющегося перед новью, и боящегося ее) в самой такой возможности — продолжать видеть то, что стерло время — и обнаруживается сокровенный смысл старосветского существования. Фимушка и Фомушка оказываются способными как бы “пронзать” время — видеть то, что из его течения выпало или выпадает. Не зря Фомушка из всех выделяет именно Нежданова — того, кто тоже оказался по ту сторону времени, выпал из него. *“Глаз у меня такой. Ты думаешь, я дура? Ан я похитрей тебя — даром что ты рыжий. Жалок ты мне ... вот тебе и сказ!”* [4, 454].

По Тургеневу, гибель старосветского оазиса грозит опустошением, потерей возможности уберечь от уничтожения то, к чему так безжалостно бесконечно обновляющееся время. *«Ато придет вдруг день и час — один и тот же час непременно для обоих, — и свалятся мои переклитки со своих жердочек, и всякий антик тотчас с ними прекратится, и пузатенький дом пропадет — и вырастет на его месте то, что <...> всегда вырастает на месте, где была “человечина”, а именно: крапива, репейник, осот, полынь и конский щавель; самой улицы не будет — и придут люди, и ничего уж больше такого не найдут во веки веков!..»* [4, 440].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин — М.: Худ. лит., 1985. — 502 с.
2. Лотман Ю. М. Избранные статьи / Ю. М. Лотман // Собр. соч.: В 3 т. — Таллинн, 1992. — Т. 1.
3. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. — М.; Л., 1978-1986. — Т. 6.
4. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. — М.; Л., 1978-1986. — Т. 9.

Рецензент — С. В. Савинков.
Статья принята к печати 11.12.2006.